

Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии

М. С. Кищенко

В статье рассматривается положение беженцев, оказавшихся в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии. Значительную часть контингента беженцев составляли национальные диаспоры, принадлежащие к европейским этносам: поляки, литовцы, латыши. Анализируется социально-экономическое положение и взаимодействие беженцев как внутри диаспор, так и с местным населением.

Ключевые слова: беженцы, колония беженцев, национальные диаспоры, поляки, латыши, литовцы, социальная группа, толерантность, взаимодействие, конфессии.

Refugees of the World War I in the Yaroslavl Province

M. S. Kishchenkov

In the article position of the refugees who, on the first days of the World War I, were in the territory of the Yaroslavl province is considered. The considerable part of a refugees' contingent was made by national diasporas belonging to the European peoples: Poles, Lithuanians, Latvians. The economic and social situation and interaction of refugees both in diasporas, and with local population are analyzed.

Key words: refugees, a colony of refugees, national diasporas, Poles, Latvians, Lithuanians, social group, tolerance, interaction, confessions.

События Первой мировой войны 1914–1918 гг. привели к возникновению очень острой и серьезной проблемы, а именно к появлению массового движения беженцев, которым были охвачены практически все страны – участницы конфликта. Не стала исключением и Россия. Активные военные действия, проходившие на территории западных районов страны в 1914–1915 гг., привели к появлению массовой волны беженцев.

Задачи статьи: проанализировать положение беженцев из западных губерний Российской империи (поляков, литовцев, латышей, немцев), оказавшихся вследствие военных действий на территории Ярославской губернии; выяснить их численность, национальный и социальный состав, материальный уровень, взаимодействие с властями и местным населением.

Первые беженцы появились уже в 1914 г., значительную их часть составляли жители губерний Западной Польши, где развернулись военные действия в осенне-зимнюю кампанию 1914 г. Это было, по словам А. Н. Курцева, «стихийное добровольное беженство», в этот период общая численность перемещенных людей не превышала нескольких сотен тысяч человек, в большинстве своем расселявшихся в прифронтовой местности [1]. Для оказания помощи беженцам был создан специальный комитет под руководством дочери Николая II великой княжны Татьяны Николаевны, занимавшийся распределением финансовых средств среди жертв войны, обеспечением их жильем и продовольствием. Органы самоуправления Ярославской губернии также занимались этим вопросом. Так, Ярослав-

ская городская Дума осенью 1914 г. приняла специальное обращение, где выражалось сочувствие жителям польских губерний, пострадавших от войны, и содержались сведения о начале кампании по оказанию помощи пострадавшим.

В начальный период войны число переселенцев в центральные губернии страны было невелико. Так, в Рязанской губернии в начале 1915 г. было всего 164 беженца, а к концу 1917 г. их численность уже превысила 80 тысяч человек [2]. Перелом наступил летом 1915 г., когда русская армия, понесшая тяжелые потери в ходе зимней кампании, оказалась неспособна противостоять австро-германскому наступлению. К осени 1915 года русские войска вынуждены были оставить Польшу, Литву, часть Латвии, Западной Украины и Белоруссии. К концу 1915 г. численность беженцев в центральных районах страны превысила 2700000 человек.

Российское политическое руководство, планируя вести войну на чужой территории, оказалось не готово к решению столь масштабной задачи, как эвакуация населения и материального имущества. Так, исследователь А. Л. Сидоров отмечал, что эвакуация промышленных производств проходила в значительной мере бессистемно и хаотично, без единого плана и привела к потере значительной части промышленного потенциала, не была организована в должной мере и эвакуация мирного населения [3]. А. Н. Курцев в целом подтверждает этот вывод в части эвакуации собственно контингента беженцев: «Несметные толпы голодных и полунагих людей движутся на восток... фактически грабя встречные деревни и

увлекая за собой их жителей, увеличивая ими бездомную толпу» [4].

Создавшаяся критическая ситуация вынуждала власти принимать определенные меры. В августе 1915 г. был принят специальный закон об оказании помощи жителям западных районов страны, оставивших свое постоянное место жительства. Из двигавшихся на восток вынужденных переселенцев стали формировать специальные пешие и гужевые колонны, руководимые, как правило, чиновниками, служащими, духовенством оставленных губерний; колонны должны были обеспечиваться питанием, бесплатной выдачей медикаментов и путевыми документами, позволявшими беженцам взаимодействовать с местными властями. Власти губерний, через которые колонны шли к месту дислокации, как правило, мало помогали беженцам, зато активно стремились как можно быстрее избавиться от них. В этих условиях «число родственников, потерявших друг друга и в том числе детей, потерявших родителей, было так велико, что в целях соединения семей... было создано центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев» [5].

Первые партии вынужденных переселенцев стали поступать в Ярославскую губернию в июне-июле 1915 г. Был создан специальный Ярославский городской комитет помощи беженцам и губернская комиссия при губернской управе. Всех прибывавших беженцев ставили на учет. Сохранились сведения об организационной стороне процесса: «В качестве переписной единицы была принята семья в смысле хозяйства. Регистрация проводилась обыкновенно на местах водворения беженцев местными органами уездных комитетов» [6]. К концу года число беженцев в губернии превысило 10 тысяч человек, а в 1916 г. достигло 13 тысяч. После того, как возможности губернского города по размещению беженцев были практически исчерпаны, их стали отправлять в уезды губернии.

На нужды беженцев выделялись значительные средства из губернских фондов, так, в 1915 г. было отпущено 270 220 рублей, в 1916 г. – уже 356 166 рублей [7], тем не менее, этих средств часто не хватало.

По национальному составу значительную часть прибывших в Ярославль составляли поляки (5746 человек), латыши (2630) и литовцы (2092) [8]. Среди вынужденных переселенцев оказались и немцы по национальности, в количестве 79 человек. Это были жители польских губерний России, в принудительном порядке выселенные при приближении линии фронта.

Социальный состав беженцев был неоднороден, присутствовали представители всех сословий России этого времени. Крестьяне составляли 60 %, городское население 20 % и дворянское – 10 %. Также в среде беженцев были священнослужители ряда конфессий.

Первой проблемой, возникшей при появлении столь значительного числа беженцев, стала проблема их расселения. Первое время вновь прибывших размещали по национальному признаку в общежитиях и приютах, от 20 до 40 человек в помещении. Часть беженцев снимала небольшие квартиры, получив средства от городского комитета помощи [9].

Материальный уровень временных переселенцев был различным. Зачастую беженцы находились практически без средств к существованию. Так, при эвакуации Пинской гимназии служащие этой гимназии, за неимением средств в Пинском казначействе, не получили полагающихся им подъемных [10]. В этих условиях даже постоянно выделяемых средств не хватало.

Губернские власти предпринимают попытки создания условий для того, чтобы переселенцы сами смогли себя обеспечивать, прикладывая свои знания и умения на новом, пускай и временном, месте жительства. Была создана специальная биржа труда, занимавшаяся поиском для них работы. Согласно временному законодательству, действовавшему в рамках всей страны, беженцы имели привилегии при трудоустройстве на работу. Были созданы специальные организации, объединяющие беженцев по национальной принадлежности. Так, при польской организации были открыты сапожная, столярная и швейная мастерские, при латышской – портняжная и белошвейная, при литовской – сапожная, портняжная и столярная мастерские [11]. С одной стороны, эти меры помогли снизить социальное напряжение в переселенческой среде, однако с другой – вызывали недовольство у местного населения тем, что рабочие места в условиях войны передавались пришлому контингенту в ущерб интересам коренных жителей губернии, которые часто не могли найти себе достойную работу.

Важной проблемой становилось обеспечение взаимодействия беженцев разных национальностей. Для обеспечения толерантности между местным и пришлым населением было налажено взаимодействие руководства национальных организаций беженцев и местной общественности. Сохранились воспоминания одного из общественных деятелей Ярославля этого периода А. Е. Пчелина. В своих мемуарах он писал, что в 1916 г. по инициативе поляков, входивших в со-

став городского комитета помощи беженцам, было решено разделить Ярославль на районы, в которых совместными усилиями городской и беженской общественности планировалась и организовывалась помощь переселенцам [12]. Работа была тяжелой, приходилось в нерабочее время, вечером, в праздники, подыскивать квартиры, общежития, договариваться с владельцами чайных и столовых, заниматься распределением талонов, продуктов, одежды и обуви [13].

А. Е. Пчелин отмечает и конфликты в среде поляков на общественно-политической почве, так как одна их часть была образована сторонниками социализма, другая – национально-демократических идей. Между ними часто возникали конфликты, доходившие до открытого столкновения [14]. С местным населением взаимоотношения, тем не менее, удалось наладить.

Большое внимание общественность и власти обращали на социальную и гуманитарную сферы организации жизни беженцев. Для детей беженцев открывались школы, причем преподавание в них шло на языках национальных диаспор. Так, в Ярославле открыли 2 польские, 2 литовские и 2 латышские школы. В них обучалось несколько сотен учеников. Создавались также и внешкольные формы образования: различные курсы, специальные бесплатные библиотеки. Эти заведения посещали не только представители подрастающего поколения, но и взрослые. Действовали и церковные организации помощи беженцам. В первую очередь это были различные благотворительные католические организации.

Сохранились сведения о деятельности колонии беженцев в Ростовском уезде. Здесь, в Савинской волости, в имении землевладельца Н. Демидова, при его непосредственном участии, было создано поселение польских беженцев. Общая их численность составляла примерно 800 человек. Эта колония попала в поле зрения властей в силу того, что на ее территории проживали германские и австрийские подданные.

Ярославское губернское жандармское управление вело пристальное наблюдение за колонией беженцев. Непосредственно эти функции были возложены на станového пристава И. Горюнова, в обязанности которого входило «установить данные на германских и австрийских подданных, проживающих в названной колонии. Выяснить, соответствуют ли действительности документы и другие данные о регистрируемых лицах, причем о возникающих сомнениях в отношении того или иного лица должно быть незамедлительно доложено для последующих распоряжений. При регистрации беженцев особое внимание надо обра-

тить на германского подданного Л. Левандовича и австрийского подданного М. Шиманского» [15].

Полиция собирала данные на всех иностранцев, проживающих на территории поселения, и проверяла степень их благонадежности. Были составлены списки на 16 наиболее подозрительных лиц. По национальности это были поляки, бывшие подданные Германии и Австро-Венгрии, по специальности: врач, агроном, учителя, мастера слесарного и столярного дела [16].

Руководство колонией в 1916 г. осуществляли А. Пиньян и К. Ловинский. Под их началом и была организована жизнь в колонии. Создавались специализированные мастерские, где дети беженцев обучались определенным профессиям и получали трудовые навыки. Таких мастерских было 9, в том числе кузнечная, столярная, переплетная, сельскохозяйственная и т. д. Заведовали мастерскими германские подданные Р. Бронзель, Т. Хойнацкий, И. Карпинский.

При колонии была организована хлебопекарня, обеспечивавшая беженцев свежим хлебом. Существовала и медицинская часть под руководством дипломированного врача Т. Соколовского. Руководство колонии поддерживало тесные связи с польской диаспорой в самом Ярославле. Представителем интересов беженцев в губернском городе был А. Пишкевич, сотрудник городского комитета помощи беженцам. Он снабжал беженцев в Ростовском уезде различной информацией, помогал с решением возникавших финансовых и иных проблем.

Жандармы и полиция активно наблюдали за жизнью ростовской колонии поляков, но ничего неблагонадежного обнаружено не было. Так, утверждалось, что врач Т. Соколовский якобы имеет военную форму прапорщика и документы, которые может использовать в шпионских целях, так как часто ездит в Москву [17]. В итоге выяснилось, что форму он носит совершенно законно, а его частые отлучки в Москву объясняются свиданиями с женой. В поле зрения жандармов попал и католический священник В. Ольшевский, «наиболее подозрительный из числа проживающих в колонии» [18]. Но самое тщательное наблюдение не позволило выявить сведений, incriminating его в шпионаже.

Наибольший интерес к польским беженцам жандармские власти стали проявлять в 1916 г. Это было связано с тем, что в это время в польской диаспоре в России активно стали противодействовать друг другу две политические фракции. Первая до освобождения оккупированных немцами и австрийцами польских земель и

предъявления властям Российской империи требований о предоставлении Польше автономии была сторонником временного союза с Россией, вторая фракция выступала за начало переговоров с Германией и Австро-Венгрией, полагая, что именно эти государства могут предоставить Польше автономию. С ухудшением социально-экономической и политической ситуации в России росло число сторонников второго направления: «В последнее время в руководстве польских общественных кругов наблюдается заметный поворот в пользу разрешения польского вопроса в духе австрофильской ориентации» [19].

В январе 1916 г. в Варшаве под эгидой немецкого оккупационного командования состоялась конференция польских общественных деятелей, сторонников союза с Германией, руководство которой обещало предоставить Польше автономию после окончания военных действий. Сведения об этом проникли в среду польских беженцев в России и получили широкое распространение. Как отмечали сотрудники департамента полиции в своих донесениях, «большинство поляков в России уже склонно принять австро-германское предложение... московские беженцы-поляки активно обсуждают эту идею и находят ее здоровой» [20]. В этих условиях руководство департамента полиции рекомендовало местным жандармским и полицейским властям, а также губернатору пристально следить за настроениями польских беженцев и пресекать попытки антиправительственных настроений, а также возможности установить связи с представителями польских организаций на оккупированной Германией и Австро-Венгрией части Польши. Власти губернии, следуя указаниям вышестоящих инстанций, контролировали деятельность беженцев, в первую очередь поляков, и не допустили возникновения действительно значимого антиправительственного движения.

Латышские беженцы также предпринимали попытки самоорганизоваться в новых условиях. Наибольшей проблемой для латышской общности стало опасение, что латыши-беженцы будут переселены в Сибирь, где им придется забыть свою историческую родину. В Петрограде был сформирован «Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам», одним из лидеров которого стал видный латышский политик и общественный деятель Я. Голдманис. Комитет помогал организации латышских школ, приютов, оказывал помощь финансовыми ссудами, предоставлял юридическую защиту. Культурная ассоциация «Родина» занималась сохранением исторических традиций и памяти

латышского народа и культурной пропагандой в школах для детей латышских беженцев [21].

В Ярославской губернии функционировали 3 школы для латышских беженцев, латышам оказывалась помощь не только государственными органами власти, но и латышскими общественными организациями. В целом, латышская диаспора находилась в сходном с польской диаспорой положении.

Литовская диаспора тоже организовывала свою деятельность в Ярославской губернии. Создавались школы для литовских детей, мастерские для беженцев рабочих профессий. Католическая община губернии оказывала материальную помощь и способствовала сохранению профессионального единства литовцев, помогала в организации контактов с польской диаспорой.

Немецкие беженцы, в силу своей малочисленности, не сыграли серьезной роли в среде беженцев. Практически все они находились под надзором полиции и могли быть высланы за пределы губернии по подозрению в неблагонадежности.

Таким образом, в 1915–1917 гг. на территории Ярославской губернии, вследствие военных действий, сформировалась новая социальная группа – беженцы. Значительную часть из них составляли представители европейских этносов – поляки, латыши, литовцы. Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение, власти и местная общественность стремились оказывать беженцам помощь и обеспечивать их существование на новом месте. В плане практической работы основная деятельность осуществлялась органами местного самоуправления и специальными организациями-комитетами помощи беженцам. Помощь была не только финансовой, но и социальной: организация школ для национальных диаспор, поиск работы, организация специальных курсов, культурного досуга. В целом взаимоотношения с местным населением были достаточно позитивными, в 1915–1916 гг. не наблюдалось серьезных конфликтов между беженцами и коренным населением. Тем не менее, с ухудшением социально-экономического и политического положения в России в среде диаспор беженцев стало нарастать недовольство правительством и его действиями. Власти стремились контролировать беженцев, в первую очередь немцев и поляков, и пресекать антиправительственные настроения.

Подводя итог, необходимо отметить, что война привела не только к массовому движению беженцев, но и к росту национального самосознания национальных диаспор. В первую очередь это коснулось поляков, латышей, литовцев. Война способствовала их объединению, что позволя-

ло сохранить их идентичность и национальное самосознание. Война также способствовала более тесному взаимодействию местного населения и беженских диаспор, что вызвало рост толерантности и взаимопонимания между народами.

Примечания

1. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918 гг.) [Текст] / А. Н. Курцев // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 99.
2. Курцев А. Н. Указ. соч. – С. 102.
3. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны [Текст] / А. Л. Сидоров. – М., 1976. – С. 214.
4. Курцев А. Н. Указ. соч. – С. 105.

5. Попинова М. В. Организация помощи беженцам первой мировой войны (на примере деятельности Ярославского Городского комитета помощи беженцам) [Текст] / М. В. Попинова // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль, 2000. – С. 96.

6. Савинский Д. Беженцы в Ярославской губернии [Текст] / Д. Савинский. – Ярославль, 1916. – С. 3.

7. Журнал заседаний ярославского губернского земства за 1915 г. [Текст]. – Ярославль, 1916. – С. 120.

8. Бомбир О. В. Социальный портрет беженцев в годы Первой мировой войны [Текст] / О. В. Бомбир // Вопросы отечественной и зарубежной истории. – Ярославль, 2003. – С. 64.

9. Попинова М. В. Указ. соч. – С. 93.

10. ГАЯО – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 3171. – Л. 74.

11. Попинова М. В. Указ. соч. – С. 95.

12. Пчелин А. Е. Воспоминания о городе Ярославле / А. Е. Пчелин // Век нынешний и век минувший – Ярославль, 2007. – С. 156–170.

13. Пчелин А. Е. Указ. Соч. – С. 162.

14. Пчелин А. Е. Указ. Соч. – С. 163.

15. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 1.

16. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 5.

17. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 10.

18. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 12.

19. ГАЯО – Ф. 73. – Оп. 9. – Д. 680. – Л. 2.

20. ГАЯО – Ф. 73. – Оп. 9. – Д. 680. – Л. 3.

21. Гатрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны [Текст] / П. Гатрелл // Исторические записки. – 2001. – № 4. – С. 61–62.